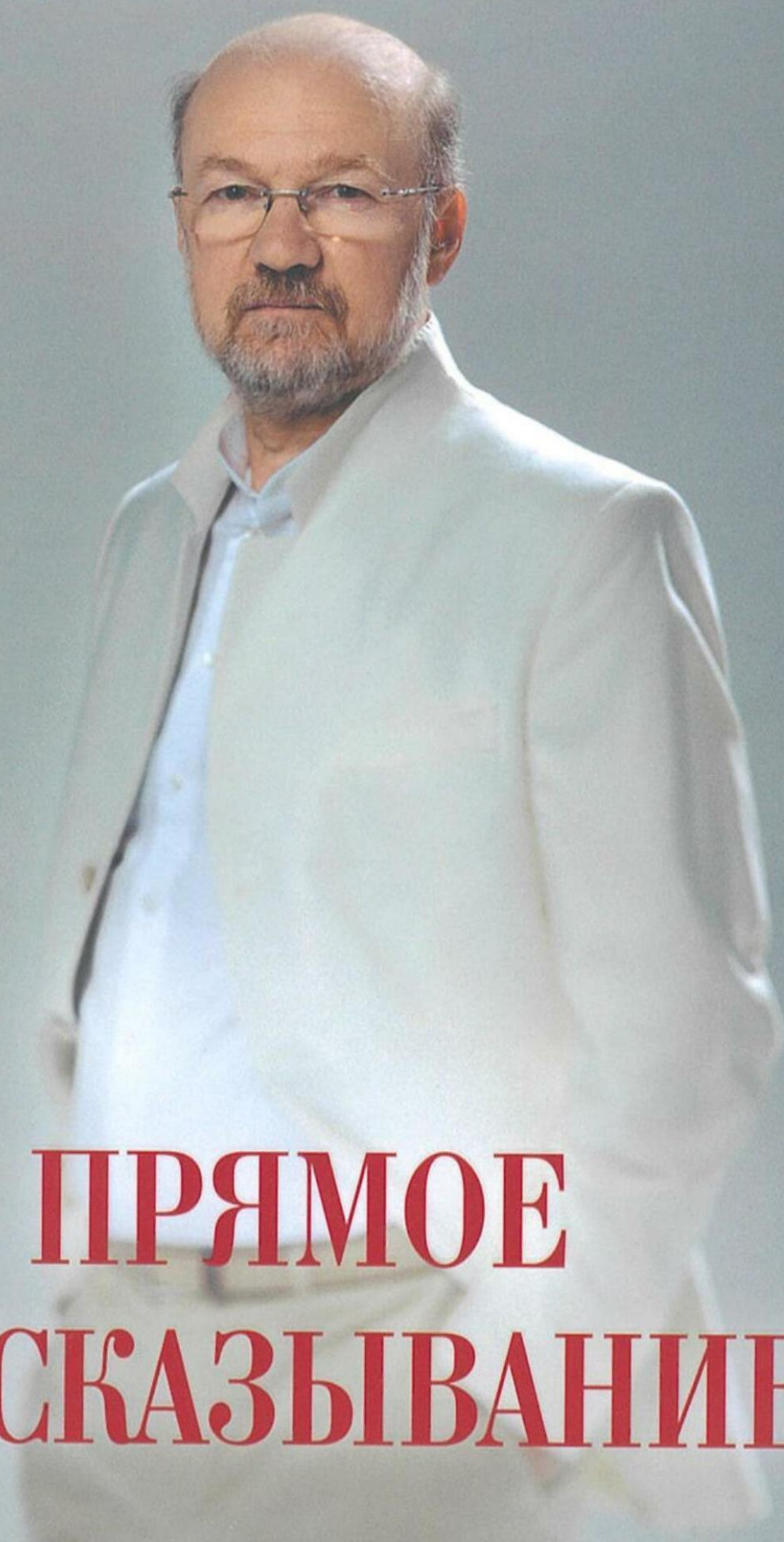

Александр
ЩИПКОВ

**ПРЯМОЕ
ВЫСКАЗЫВАНИЕ**

Александр Щипков

Прямое высказывание

«Автор»

2019

УДК 301
ББК 87.6

Щипков А. В.

Прямое высказывание / А. В. Щипков — «Автор», 2019

ISBN 978-5-00111-563-2

В своей новой книге известный политический философ Александр Щипков предлагает читателю серию концептуальных текстов, посвященных наиболее актуальным общественным процессам. В поле зрения автора кризис мировой экономики и политических институтов, грани постмодернистского и постсекулярного сознания, реабилитация нацизма, пересмотр концепции тоталитаризма и роль православия в русской национальной истории. Для книги А. Щипков выбрал форму методологического интервью. Текст строится по вопросно-ответной системе. Вопросы составлены автором – они возникают из самого материала как принцип его организации. Книга адресована как интеллектуальному сообществу, так и широкому читательскому кругу.

УДК 301

ББК 87.6

ISBN 978-5-00111-563-2

© Щипков А. В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Предисловие	6
Большое гражданское общество	7
Ложь «догоняющего развития»	13
Будущее секуляризма	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Владимирович Щипков

Прямое высказывание

© Щипков А. В., 2019

© Торговый дом «Абрис», художественное оформление, 2019

Предисловие

Эта книга необычна. Необычна не только на фоне текущей публицистики, но и для творчества самого автора, Александра Щипкова, политического философа и общественного деятеля, известного многим по авторской программе на телеканале «Спас». Своеобычен и жанр этой книги. Говоря о нем, нельзя не вспомнить многолетние споры критиков о так называемых «лонгридах». Есть мнение, будто время крупных публицистических материалов прошло: мол, у читателя нет на все это времени, он предпочитает малые, компактные формы.

Автор «Прямого высказывания» исходит из того, что читатель разный, а интересного, насыщенного идеями текста много не бывает. Для книги, которую читатель держит в руках, выбрана форма *методологического интервью*, знакомая всем по катехизисной литературе. В этом случае текст, как и в обычном интервью, строится по вопросно-ответной системе. Только вопросы задает не интервьюер из какого-либо издания. Они возникают из самого материала как принцип его организации. Кому-то подобный подход может показаться даже несколько старомодным, но ведь всякое новое – это всего лишь хорошо понятое старое.

Название книги мне тоже нравится. Оно лишено ненужной витиеватости. «Прямое высказывание» означает буквально то, что и означает: книга содержит прямые высказывания автора на самые актуальные социально-политические, религиозные и культурные темы – без оглядки на конъюнктуру и условности, без лишних иносказаний и эвфемизмов. Автор откровенен – редкое качество для пишущего человека в наши дни.

Впрочем, название книги имеет свою историю. Оно отсылает к статье Николая Пиотровского «Прямое высказывание» из философского сборника «По-другому» (М.: Абрис, 2017). Существенное различие заключается в том, что статья Николая Пиотровского была посвящена вопросам культуры, тогда как тематика новой книги Александра Щипкова гораздо шире и нацелена на социально-политическую проблематику. А подзаголовок – «Кто мы, православные, и куда идем» – в полной мере раскрывает замысел и задачи автора, рассуждающего об историческом пути русской православной нации.

Летом 2018 г. в Москве на встрече с Патриархом Александрийским и всея Африки Феодором Предстоятель Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Кирилл сказал: «Мы прожили непростые 1030 лет. Было почти трехвековое иго, были междоусобные войны, социальные и политические потрясения, страшные войны, которые названы мировыми, была революция и даже не одна. Но если сегодня, в XXI веке мы празднуем 1030-летие Крещения Руси, это значит, что действительно Бог присутствует в нашей истории, рука Божия видна здесь. Потому что иначе мы должны бы быть совсем другим народом и другой страной, которая, неизвестно, насчитывала бы столько лет существования или нет».

Православные в публичном пространстве давно не ассоциируются только с «богомольными старушками». Это уже не только религиозное, но и социальное понятие. Православные в России – это люди восточнохристианской культуры, разделяющие ее ценности, а эти ценности, как известно, наряду с церковно-религиозным мировоззрением имеют и светскую форму православной этики.

Вопрос «Куда мы идем?» волнует сегодня всех, но не всем внятны те ценности, цели и интересы, которые определяют дальнейший ход нашей национальной истории. Слушающие не всегда слышат. Поэтому новая книга Александра Щипкова «Прямое высказывание» в значительной мере посвящена поиску нового языка русской православной традиции в современном мире. Задача трудная, но благодарная.

Юрий Поляков

Большое гражданское общество

Что такое гражданское общество? Почему в России это застывшее и неприкасаемое понятие, а на Западе оно не имеет единого определения и часто подвергается критике? Всегда ли гражданское общество исключает тоталитаризм, в чем состоит разница между гражданским обществом меньшинства и большинства? Какое отношение имеет к этому различию средний класс и почему он исторически обречен, кто является гарантом равенства свобод в civil society?

– В 2017 году вы ввели понятия «большого» и «малого» гражданского общества. Зачем? Чем вас не устраивает устоявшееся понятие «гражданское общество»?

– Понятие «гражданское общество» (civil society) в российском политическом контексте распространилось так широко, что давно уже превратилось в стикер. А между тем единого научного определения этого явления нет. Сегодня общественная жизнь существенно расходится с социологическим описанием общества. В результате язык описания теряет объяснительные возможности, превращаясь в набор застывших понятий и формул. Так было в позднесоветский период. Происходит идиоматизация языка. Это общая проблема. Понятие «гражданское общество» – один из таких окаменевших концептов. В ближайшем будущем он существенно изменит содержание. Подсчет одних только эпитетов, употребляемых вместе с этим понятием, дает очень пеструю лингвистическую картину. Например: «национальное», «транснациональное», «демократическое», «абсолютное», «относительное», «правовое», «социалистическое», «моральное», «реальное» и так далее.

– Да, богатый набор.

– Часть критиков civil society называет это понятие «элементом социального самоописания» и идеологемой, а не подлинным научным понятием. Мы продолжаем употреблять это понятие в устаревшем значении – как синоним «активного» привилегированного меньшинства, которое требует от государства сохранить ему привилегии в ущерб интересам остальных граждан. Между тем в социальной реальности неизбежен сдвиг в сторону сплоченного большинства с общим пониманием национальных задач. Я это называю «большим гражданским обществом».

– Чем может быть вызван этот сдвиг?

– Тем, что социальные миноритарии сегодня стремительно теряют влияние. О причинах этого явления я расскажу ниже.

– Концепций много, а термин один. Много непроясненного и плохо изученного. Каковы уязвимые места существующих концепций гражданского общества?

– Прежде всего: до сих пор не ясно, что является гарантом сохранения *равного уровня свобод* в гражданском обществе – если, конечно, не считать ответом на этот вопрос забавные разговоры о «невидимой руке рынка», самонастраивающейся «системе сдержек и противовесов» и тому подобные сказки. Совершенно очевидно, что гарантом *равного уровня свобод* может быть только государство. Либо легальное (сильное, суверенное), либо анонимное «глубинное государство» (deep state), реальная власть в котором принадлежит не официальным структурам, а скрытым. В любом случае без такого субъекта и гаранта не может быть устойчивого гражданского общества, оно просто скатится в «войну всех против всех», говоря словами Томаса Гоббса.

– Каковы исторические корни понятия?

– В какой-то мере оно сложилось как результат частичной десакрализации понятий «государство» и «церковь». Новый институт приобрел собственные святыни – естественное право, священное право собственности, веру в универсальность прогресса. Поэтому понятие «гражданская религия», впервые озвученное Руссо, было не просто метафорой. Гражданская религия – это религия гражданского общества. Но если церковь открыта для каждого, то быть полноправным членом гражданского общества, не будучи собственником, было невозможно. Лишь немногие личности, располагающие имущественной независимостью и образовательным статусом, могли считаться членами *civil society*.

– Что изменилось в XX веке?

– В XX веке появился и неимоверно разросся средний класс. Нынешнее гражданское общество состоит из представителей среднего класса и его политического авангарда – «креативной» прослойки. Этому классу и этой прослойке обычно приписывается некая важная социальная миссия, например: «гарант социальной стабильности», «канал обратной связи с государством», «фильтр общественных требований к политической системе». Главная подмена в этом подходе – желание выдать часть общества за все общество, наделить себя правом говорить от лица остальных. Поэтому я назвал это явление «*малым гражданским обществом*».

– Откуда эта подмена?

– С точки зрения этого слоя, который представляет собой социальное меньшинство, его интересы должны быть удовлетворены государством за счет интересов широких слоев. Например, обеспечивать привычный уровень потребления за счет внешних кредитов вместо защиты прав собственного народа или избавляться от реальной индустрии вместе с реальными рабочими местами ради бумажной ассоциации с ЕС, как это случилось в Киеве. А ведь широким слоям нужно совсем другое – сохранение социальных прав. *Социальные права являются единственным капиталом народа*, другого капитала у него нет. Плюс ценности традиции и нравственности, которые способствуют сохранению именно этого капитала.

– Вернемся к среднему классу. Почему он совершил такой «скачок»?

– Не без посторонней помощи. Средний класс вырастили и выкормили специально для роли общественного цербера. Это произошло в 1980-е годы, во времена рэйганомики, когда Запад решил противопоставить советскому гегемону-производителю (пролетариату) своего гегемона-потребителя. Для этого он перешел к методам «накачки спроса» и потребительскому рефинансированию. Но это решение имело, как выяснилось потом, слишком высокую цену: разросшийся средний класс начал жить не по средствам. Система работала до тех пор, пока финансовая глобализация не достигла своих естественных пределов.

– А что произошло потом?

– Сегодня эти пределы достигнуты, о чем свидетельствует мировой кризис. И средний класс, а особенно его партийный авангард – креаклиат, – напуган. Мировая экономическая конъюнктура складывается не в его пользу. В результате общего падения эффективности капитала и мирового финансового кризиса нас ждет «великая депрессия» общемирового масштаба. Следовательно, численность и уровень жизни среднего класса резко сократятся – примерно до показателей 1970-х годов. Философ Славой Жижек называет это состояние среднего класса «страхом пролетаризации».

– Почему элиты решились на демонтаж среднего класса?

– Представьте себе четырехэтажную финансовую пирамиду: элиты, средний класс, собственные низы и низы чужие, живущие в странах мировой периферии, включая Россию. Именно за счет последней, четвертой группы элита кормит вторую группу и подкармливает третью. Эта схема работает, пока есть трудовые ресурсы и неосвоенные рынки. Но в один прекрасный момент добывать средства для поддержания системы становится неоткуда – только изнутри самой системы. Значит, нужно ее структурно перестроить и упростить. Наблюдение показывает, что «под нож» этой перестройки пускают именно средний класс. Миддлам и креаклам это категорически не нравится. Они берут плакаты, булыжники, коктейли Молотова и выходят на майданы. Они шантажируют верхи, чтобы те принесли в жертву не их, а простолюдинов – «серых ватников». В первый момент, чтобы сбить волну, элиты делают вид, что уступают. Но потом все идет своим чередом. Миддлы и креаклы ропщут. Они берут на щит идеологию, через которую красной нитью проходит социал-расизм, презрение к «быдлу» – словом, к низам, в которые сами они категорически не хотят превращаться.

– **Их лозунг – «Активная часть общества делает свой выбор».**

– Да, высказывание забавное, наигранное и пафосное. С политехнологического языка на русский оно переводится так: «Мы не они, дайте нам больше». Это незамысловатое желание камуфлируется рассуждениями о важности «гражданских институтов», которые тоже переводятся на нормальный язык очень просто. А именно: «Общество – это мы». По аналогии с известным «Государство – это я». Но поскольку остальную часть общества невозможно просто взять и стереть ластиком, то приходится прибавлять термин «гражданское». То есть они изначально проводят разделительную линию и искусственно создают оппозицию «гражданское общество» – «остальное общество».

– **Но ведь, скажем, на митингах оппозиции стоят люди разных социальных положений.**

– Меня интересует не одежда, а то, в пользу чьих лозунгов и требований стоят митингующие. Обратите внимание – либеральная оппозиция никогда не требует отставки правительства, смены социально-экономического курса, социальных гарантий и т. п. Речь всегда идет только об одном – о делегитимизации государства как такового, самой системы управления. Это и есть истинная позиция адептов малого гражданского общества.

– **Эта позиция в состоянии что-то изменить?**

– По большому счету уже не в состоянии. Логика развития существующей системы неумолима. Они могут притормозить процесс ценой большой крови, используя в качестве инструментов экономический ультралиберализм и нацизм, но не остановить его.

– **Однако истерические нотки у них в голосе слышны все отчетливей.**

– Это неудивительно, ведь элита лишает их статуса привилегированной прислуги. Их решено расчитать. Они оскорблены в лучших чувствах и требуют: «Не нас, не нас – их!» Требуют выжимать последнее, до капли, лишь бы еще немного пожить на глобалистскую ренту. Но элиты уже пребывают в историческом цейтноте. Часики тикают. Поэтому даже в среднесрочной перспективе этот класс обречен. Отсюда и страх, и обида. Отсюда их фашизоидность, склонность к ультраправому дискурсу.

– **Это политические перегибы?**

– В российской либеральной трактовке «гражданское общество» – это универсальная идеологическая дубинка. Точнее, идеологема, которая оправдывает методы, противоречащие

ее внутреннему содержанию, – командно-административные, силовые, репрессивные. Научим свободе штыками...

– Обычно утверждается, что гражданское общество и тоталитарность – две вещи несовместные.

– Это один из устойчивых стереотипов, который опровергается практикой. Малое гражданское общество имеет отчетливую тенденцию к тоталитарности. Сегодня тоталитарность связана в том числе и с привычной «антитоталитарной» риторикой, на которой построен новый идеологический формат.

– Это тоталитарность с обратным знаком?

– Да. Тоталитаризм с антитоталитарной риторикой на устах – один из причудливых феноменов нашей эпохи. Это очень печальный тренд. Но, в конце концов, такова парадоксальная диалектика истории. В одну реку можно войти дважды, если она начнет течь в противоположную сторону. Именно в такое время мы и живем.

– Благодаря этому малое гражданское общество идеологически доминирует?

– Не столько идеологически, сколько культурно. Одним из источников производства символического капитала является сформированный у большей части общества комплекс неполноценности – уверенность в том, что мы политически бесплодны, а русская нация то ли вообще не сформировалась, то ли не доросла до политического «совершеннолетия». А если это так, активному меньшинству остается только забрать понятие «гражданское общество» себе, присвоить его. Ведь хозяина у понятия нет. Получается, что понятие – ничье. Задумайтесь, с какой целью происходит категорическое и даже какое-то истерическое шельмование «Бессмертного полка», тиражирование оскорбительных статей про «победобесие»? Гибель миллионов, геноцид, национальное выживание – слишком серьезные составляющие русской истории. Именно в эту точку и наносится удар. «Бессмертный полк» – это пример национальной самоорганизации и стопроцентный институт подлинного гражданского общества. Именно поэтому его легитимность стремятся любыми способами поставить под сомнение. Все ради конченной цели – перехватить желанный статус.

– Как, при каких условиях складывается гражданское общество большинства?

– Большое гражданское общество складывается в ходе национальной самоорганизации. Особенно часто это проявляется в кризисных, нестандартных ситуациях: вспомним ополчение Минина и Пожарского, выкликание Михаила Романова на царство, Крымский референдум, «Бессмертный полк». Все это ситуации ускоренной самоорганизации гражданского общества. В них-то и проявляется подлинная институциональность, вырастающая из традиции, а не навязанная привилегированными властными группами. Это и есть те самые «институты» гражданского общества.

– Это формы самоорганизации людей?

– Да.

– Государство их подавляет?

– Подавлять их может любой властный субъект в своих интересах, включая и государство, но защищать способно только государство. Потому что остальные властные субъекты вообще не обязаны это делать.

– В России сформировалось гражданское общество?

– Конечно. Немалый период русской истории оно подавлялось. Подавляется и сейчас. Наше большое гражданское общество не похоже на западное, оно не связано с либерализацией самодержавия или с секуляризацией. У него другие основания. Русская секулярная реформация, как и русское просвещение не были движением снизу, как в Германии или Франции. Это были проекты, навязанные нам сверху – элитами. Частично «реформация» удалась, поскольку, ликвидировав патриаршую структуру, сформировала казенную церковь и разрушила теократическое гражданское общество, которое складывалось вокруг Церкви. На низовом уровне, куда не дошли усилия реформаторствующих верхов, сохранился исходный, коммунитарный тип социальности (общинный), он-то и был «внеполитическим» (о чем говорили еще славянофилы). Таким образом, в России развитие подлинного гражданского общества было и остается связанным не с модернизацией, а именно с традицией.

– Вы часто говорите и пишете о социал-традиции. Что такое гражданское общество с этой точки зрения?

– С точки зрения социал-традиционализма, гражданское общество – это солидарное общество, в котором, используя тезис А. де Токвиля, «важны не процедуры, а цель». Эта цель – принцип взаимной ответственности, взаимопомощи (на церковном языке – соборная сотерия, помощь в деле спасения души). Данный принцип спасает общество от возвращения в «естественное» состояние нового варварства. Социалтрадиционалистский подход противоречит концепции естественных прав и попперовской идее «открытого» общества, которая на деле приводит к власти закрытые корпоративные структуры. Идеи социал-традиционализма заставляют задуматься о роли фактора большинства в гражданском обществе.

– Какова же эта роль?

– Разумеется, решающая. Единственный критерий реальной демократии – это принцип большинства.

– Какова первая задача большого гражданского общества?

– Задача большого гражданского общества – уйти от социальной эзотерики элитаризма, дать шанс большинству выбирать общее будущее. Демократия – это власть народа, охраняемая государством, а не власть одних социальных групп над другими при попустительстве государства. Вот в чем кардинальное отличие большого гражданского общества от малого. Малое гражданское общество – это форма диктатуры, форма тоталитаризма. Общество нельзя считать «политическим», если большая часть его членов просто выброшена за рамки политического процесса и не участвует в принятии решений. Это напоминает мне античную «демократию», которая не распространялась на рабов.

– Гражданское общество предполагает свободу каждого?

– Гражданское общество – не общество неограниченной свободы. Это общество, в котором *все свободны в равной степени*. Свобода одних за счет других – это не свобода, а диктатура. А значит, свобода отдельно взятого индивидуума неизбежно предполагает ответственность и самоограничение.

– Кто это может обеспечить?

– Только сильное государство с Божьей помощью. Имущественное равенство недостижимо, хотя социальное расслоение должно быть ограничено разумными пределами. А вот равенство прав и свобод может и должно быть обеспечено. Или мы ставим вопрос именно таким образом, или нам надо прекращать болтать о демократии и честно признать, что нас устраивает та или иная форма диктатуры. Третьего пути нет.

– Итак, малое гражданское общество сходит с исторической сцены?

– Как и его социальный контингент. Таким образом, удельный вес креативного класса в обществе резко сокращается количественно и качественно, причем по объективным причинам. При этом само по себе гражданское общество сохранится, но примет более аутентичный вид, и составлять его будут представители других социальных групп. Так получится «большое гражданское общество». Гражданское общество большинства. Социологам уже сегодня предстоит объяснить обывателю и власти смысл происходящих перемен и дать определение нового гражданского общества. И первое, что придется сделать, – это признать факт подмены, попытку выдать малое за большое. А затем честно сказать, что в России менталитет социального большинства связан с понятием социальной справедливости, с пониманием гуманизма как милосердия и нравственности. Чем раньше мы выйдем за рамки выработавших свой ресурс стереотипов, тем быстрее мы сможем взять в свои руки ответственность за свое будущее. И новому большому гражданскому обществу предстоит сыграть в этом решающую роль.

Ложь «догоняющего развития»

Кто виноват в вековом «отставании» России от Запада? Во всем ли мы отстаем, и только ли Россия отстает? Можно ли догнать мировые центры капитала, оставаясь на «периферии» экономико-политического пространства? Как понимать «прогресс»?

– Проблема отставания России от Запада все время вызывает пристальный, а то и нездоровый интерес. Он оправдан? Ведь нельзя отрицать, что до начала XVIII века наука и искусство в России отставали от западноевропейских.

– Промышленный переворот XVIII–XIX веков вообще вначале утвердил безусловное британское лидерство. Но смотрим дальше. С одной стороны – Лавуазье, Уатт, Эдисон, Парсонс, Сименс, Маркони, Даймлер, Бенц, Дизель. С другой – Ломоносов, Циолковский, Менделеев, Лодыгин, Яблочков, Попов. Так ли у нас все было плохо с наукой? Другое дело – реализация изобретений, но это уже вопрос социально-политический, а значит, связанный с геоэкономикой. И вот геоэкономика сталкивала Россию на аграрный путь. Здесь отставание действительно было. Но зададимся вопросом: а что такое прогресс, стоит ли говорить о нем обобщенно?

– В каком смысле?

– Можно ли говорить о Прогрессе, имея в виду не технические открытия, а именно «Прогресс вообще», «Прогресс человечества», Прогресс с большой буквы. Когда пели гимны веку Прогресса, обычно не уточняли, что именно и куда развивается. По аналогии с техникой мыслили развитие культуры и общества – так возник миф прогрессорства. К чему это привело? XX век – это самые бесчеловечные войны в истории, самая бесчеловечная идеология (нацизм), больше всего заключенных в концлагерях всего мира, самое страшное оружие, мировой терроризм, разрушение семьи, гимн греху и потреблению, виртуальная экономика, жизнь в информационных «пузырях». А где же «Прогресс всего»? Модель монетаристского общества терпит фиаско. Некритичное отношение к идее прогресса привело к ее мифологизации. Антураж научности и прогрессивности заслонил собственно прогресс. Много инноваций, но прорывные открытия в области фундаментальной науки давно не происходят. Мы до сих пор живем за счет открытий 1970-х годов. Научно-критическое сознание утрачивается вслед за религиозным. «Цифровая экономика» имеет мало общего с наукой и классической рациональностью. «Нажми на кнопку – получишь результат» – это и обезьяна может, если дать ей вместо палки кнопку.

– В чем причина?

– Причина – это разрыв. Расщепление культурного универсума на рациональное, символическое и сакральное. Рационализм в свою очередь стал расслаиваться внутри себя, порождая собственную онтологию, мифологию, квазирелигию. Я думаю, научно-критическое мышление будет возрождаться в союзе с традиционными ценностями, а не в «пику» им, как в XVIII веке. Нас ждет возрождение христианского универсализма и классической рациональности. Я называю это *аксиомодерном* (сочетание понятий «ценность» и «современный»).

– Какова была ситуация с русским искусством? Оно отставало от западного?

– Некорректно говорить, что русское искусство отставало от западного. А древнерусская литература, а русское барокко? Русское барокко более радостное, светлое, оптимистичное, более декоративное, чем западное, и менее многозначное. О взлете и расцвете, который

начался с Пушкина, я даже не говорю, это очевидно. В России не было Ренессанса, и за Средневековьем сразу шли классицизм и Просвещение, что и сформировало особую эстетику. Русская и западноевропейская эстетические системы не сопоставимы друг с другом. Здесь нет и не может быть отставания. Говорят, что в России «не было литературы». Это старая тема, обсуждаемая, кажется, со времен Карамзина, но это не так. Литература русского барокко часто была посвящена государственным темам и воспитательным задачам – вспомним хотя бы Симеона Полоцкого с его «Вертоградом многоцветным», с загадками и «максимами». Например: «Человек некий винопийца бьяше / Меры в питии хранити не знаше / Тем же многажды повнегда упийся / В очию его всяка вещь двоися / Во едино время прииде до дому, / И вся сугуба зрешая оному». Конечно, в литературе того времени была сильна назидательность – это влияние духовной словесности. Но Сильвестр Медведев, Карион Истомин, Феофан Прокопович, Кантемир, Сумароков, Карамзин, Ломоносов – разве не писатели? И как бы в условиях отставания мог возникнуть фундамент «золотого века», как могли в конечном счете появиться Пушкин, Гоголь, Достоевский, Лесков, Бунин? В искусстве все уникально и все – развитие. Искусство не бывает отсталым, хотя упадок в нем возможен – мы это наблюдаем сегодня.

– Правомерно ли оценивать развитие искусства так же, как развитие гражданских и политических институтов?

– Нет, конечно. Это именно то, чем страдали теоретики соцреализма. У искусства внутренние источники развития, хотя и социальные факторы играют роль.

– Но общественная система в России ведь явно отставала от западной?

– Снова не соглашусь. Наряду с монархией были Земские соборы, общины, были Уложения – чего именно не хватает? Давайте вспомним, как выбирали Михаила Романова после Смуты. Его выкликали всенародно. По сути это была форма плебисцита своего времени.

Существует устойчивый миф о новгородской «демократии» как якобы более западной и более прогрессивной политической модели, чем «московская деспотия». На самом деле это просто модель компрадорского меньшинства, которое насильно тащило горожан от Москвы в сторону Литвы, ориентируясь на князя Казимира IV. Но «литовская партия» состояла всего из трех-четырёх сотен самых богатых людей. Их потом историки называли «партией белого хлеба», это, говоря по-нынешнему – поклонники пармезана. А большая часть новгородцев ела дешёвый чёрный хлеб. И у них было отнято право голоса.

Чтобы достичь нужного решения, партия белого хлеба скупала голоса, запугивала несогласных, творила погромы, топила неудобных в реке. В общем, устраивала майдан. И вела подробную переписку с князем Казимиром, консультировалась с ним. Это демократия? Нет, это олигархия. Иван III пришел за тем, чтобы защитить народ и православную веру от этой шайки. Он установил подлинную демократию, то есть приоритет интересов большинства. И это было куда прогрессивнее, чем диктатура олигархов-компрадоров. По-моему, вся эта новгородская история очень напоминает ситуацию в Крыму накануне его освобождения.

– От чего зависит развитие тех или иных социальных и политических моделей?

– Это развитие следует либо за традицией, либо за экономикой и соответствует месту страны в мировом разделении труда, степени ее суверенитета. Например, крепостное право в России поддерживалось ролью страны как поставщика зерна на мировой рынок. И вот здесь, в сфере организации экономики, действительно имело место серьезное отставание.

– Но что было причиной отставания?

– Избыток влияния западных институтов. Не недостаток, а именно избыток. Излишняя кооперация с Западом как раз тормозила развитие, в том числе и отмену крепостного права.

– Именно поэтому политически и экономически Россия всегда отставала в развитии от стран Запада?

– Зависимость всегда ведет к отставанию, а не наоборот. Это аксиома. Но отставала не только Россия. Отставали все периферийные и полупериферийные страны. Это результат диктата транснационального капитала в глобальной экономике, который существовал уже тогда, в XVII–XVIII–XIX веках. И чем выше вовлеченность страны в сферу глобального рынка, тем больше отставание. Контроль за направлением финансовых потоков со стороны стран «центра» позволяет им развиваться, а страны периферии вынуждены их спонсировать. По этой причине «вторичная модернизация», то есть попытка догнать основных экономических игроков обречена на провал независимо от предпринимаемых усилий. Выход – в создании собственной, альтернативной экономической зоны. Китаю это сегодня удастся.

– Значит, даже переняв западную систему общества и государства, Россия не сможет это отставание ликвидировать?

– Конечно, не сможет. Так она его только еще больше увеличит. Наглядный пример – современная Украина. Страна должна заимствовать и переосмысливать технологии, но не социальные институты и не культурные особенности. Только приспособив технологии к своим традиционным институтам, она и становится конкурентоспособной, поскольку создает «оригиналы», а не плохие «копии». По нашей оборонке это хорошо видно. А когда-то это происходило и в науке.

– По-вашему выходит, что в либеральной публицистике тема отставания перевернута с ног на голову?

– Именно так. Тема «отставания» – одна из самых мифологизированных. В радикальном варианте она включает в себя дилемму «западничества и славянофильства», а в ультра-радикальном превращается в идеологию Смердякова из романа Достоевского. Смердяков, как мы помним, говорил: «Умная нация должна завоевать глупую». То есть мы должны дать добровольное согласие на колонизацию. При этом свои достоинства – то, что нельзя перенять, а можно только создать самим – отбрасываются. Например, православие начинает «мешать» историческому развитию, как полагает Владимир Познер.

– Нет ли в понимании отставания западниками некоего религиозного оттенка?

– Есть, и очень ощутимый. Ведь для них западные институты – предмет культа, как для туземцев поделки из Европы. Идея догоняющего развития построена на культе этих институтов – чудесных атрибутов земного рая. При этом упускается из виду, что институты – если только они не фиктивны – вырастают из традиции, а традиция-то национальна.

– Где начинается зона сакрального в восприятии этой проблемы?

– Начинается она с отсутствия рациональных объяснений. Вместо них господствует абсолютно магическое отношение к этим самым институтам. Западники считают, что эти институты упали на Европу, как манна небесная, и могут быть воспроизведены где угодно по неким лекалам. Хотя это то же самое, что за сутки родить ребенка, вырастить дерево или изменить черты лица. Не находя желаемого, эта публика злится и заводит песню о нашей якобы неполноценности, цивилизационной, а то и биологической.

– При этом традиционную религию они недолюбливают.

– Это и понятно, ведь традиционный культ мешает культу новому, модернистскому. Точно так же, как он мешал большевистскому культу коммунизма.

Отсюда наряду с русофобией возникает ортофобия, антиправославность западников. В общем-то эта модель у нас воспроизводится со времен Петра Чаадаева, который считал, что все беды России от неправильного выбора религии. Вот склонили бы мы колена перед Святым Престолом – глядишь, и с культурой, и с экономикой было бы получше. Правда, век католичества в его классическом виде оказался недолг – и вот сейчас приходится привлекать для идеи «догоняющего развития» куда более экзотические культы. Скажем, неогностицизм и техноязычество. А поскольку естественным образом этот тип религиозности в России не приживается, его адепты грезят о майдане и оккупации нашей страны натовскими армиями.

– Как разрушить мифорелигиозный ореол этой темы?

– Долгими усилиями историков, экономистов, социологов, публицистов. А пока я могу предложить вам пять демифологизирующих тезисов на тему «Отставание России».

1. Отставание – особенность не России, а всех периферийных стран.
2. Отставание предопределено не позицией периферийных стран, а позицией Запада.
3. В случае некритичного заимствования социально-экономических моделей (сценарий «догоняющего развития») отставание не уменьшается, а увеличивается.
4. Техническое отставание вовсе не означает отставания в социальной и культурной сферах.
5. «Догоняющее развитие» ведет к деградации социальных, политических и культурных институтов.

– Существует легенда о Петре Первом как о мудром преобразователе, прорубившем окно в Европу. Это тоже миф?

– Прежде всего этот путь означал смену государственного культа – от идеи «Москва – Третий Рим» к идее «Запад – страна святых чудес» (ироническое определение Аксакова). То есть смену византийской преемственности на западническое подражание. И в этом смысле он, конечно, был ошибочным, поскольку вел к разрыву традиции, потому что византийская и вообще христианская традиция аккумулирует и собирает, а западная модернистская означает экспансию, подчинение, колонизацию. Запад разрушил и свою традицию, и чужие. Исторический разрыв вел к гражданскому расколу между правящим слоем и народом, а в итоге к революции. Стратегически это было ошибкой, что не отменяет ряда отдельных достижений петровского времени – например, преобразования армии и флота.

Основанная на крепостном труде петровская промышленность обусловила отставание России в XVIII-XIX веках. Кстати, до знаменитой поездки в Европу со своим «Великим Посольством» Петр предполагал расширение России в сторону Черного и Средиземного морей, контроль над проливами и Константинополем. А по возвращении его стало интересоваться в первую очередь Балтийское направление. Это был геополитический просчет. Россия – наследница Византии – должна была быть черноморской державой.

– Каковы же основные причины отставания?

Причины отставания в разные эпохи разные: зависимость от экспорта хлеба в XIX веке, зависимость от экспорта нефти и газа в XX веке, идеологическая, культурная и институциональная вторичность, отказ от собственной национальной научной школы (Болонская система), от национальных принципов образования (ЕГЭ), от нормальной связи между поколениями (ювенальная юстиция).

– Как связаны проблема отставания и внешняя политика?

– Гонка преследования – это процесс, исход которого зависит от обеих сторон. И поскольку конкуренцию в мире никто не отменял, наше желание догнать отнюдь не совпадает с

желанием наших партнеров. Зачем им новые конкуренты? Поэтому они отнюдь не против того, чтобы мы шли путем слепого, буквалистского подражания – но, наверное, этот не тот путь, который позволит нам кого-то догнать. Потому что при разных исходных условиях нужны и разные принципы движения, чтобы оказаться примерно в той же точке. Автомобиль не догонит катер, если поедет по воде, но легко обойдет его по суше. Это так называемые «ножницы развития». Принцип ножниц важен и в технологической, и в идеологической сферах.

– А как это связано с идеологией?

– Конкурентам есть смысл пустить нас по ложному пути. То есть идеологически вменить нам неэффективный сценарий. Например, строго подражательный: сделайте в точности, как у нас, один в один. Или наоборот: убедить нас в том, что чего-то ни в коем случае делать нельзя. Например, свободную эмиссию национальной валюты, вложения в науку и образование. Так британцы в XIX веке убеждали наших дипломатов в том, что России непременно надо оставаться аграрной страной – мол, так вам Богом предначертано, таково ваше призвание. Мотивация была проста. С одной стороны, устранить возможного конкурента в промышленно-технической сфере. С другой – обеспечить продолжение бесперебойной продажи зерна в Европу, освобождая европейцев от этой головной боли и закрепляя за Россией роль хлебного поставщика. Точно так же и сегодня за нами пытаются закрепить роль мировой бензоколонки, идеологически запрещая поддержку внутреннего рынка и реального сектора экономики. В итоге продолжается вывоз капитала из страны, а экономика все время недофинансирована. В научной литературе это называется «мировым разделением труда». Невыгодная роль в ходе этого разделения отбрасывает Россию назад, тормозит развитие, закрепляет ее периферийный статус.

– И отсюда идея «догонять через подражание»?

– Да. Компрадорский класс России всегда помогал Западу под предлогом европеизации тормозить наше развитие. В частности, этому способствовал культ Запада. Причем из этого абстрактного культа делались прямые социально-политические выводы. Например, в Восточной Европе после распада советской системы не было ваучерной приватизации, вместо этого проводилась реституция. Таких примеров много. Многие реформы по западному образцу были абсолютно антиинституциональны для России. И потому деструктивны. Все эти нестыковки оставили печать на сознании российского правящего класса.

– Как именно?

– Русские пытались с Западной Европой договориться «по-хорошему», каким-то образом в нее «вступить», словно мы сами по себе не европейцы и не имеем за спиной христианской традиции. Нужна была еще какая-то сакральная санкция. В итоге глубинные культурно-исторические основания нашей общественной жизни подменялись попытками соответствовать сиюминутным политическим проектам и идеологиям. В том числе европейскому христианскому обществу, позитивизму, социал-дарвинизму, трансгуманизму. Это дезориентировало общество, лишало его собственного незаменимого опыта, выстраданного столетиями, обнуляло этот опыт.

– А что же сами европейцы?

– А из Европы к нам приходили только с войной. И не один раз. И хотя только по вине гитлеровской коалиции (а это, напомним, несколько европейских стран) мы потеряли несколько десятков миллионов человек, мы все никак не можем избавиться от иллюзий. В результате возникают такие уродливые явления, как «плач» по солдатам вермахта, которые якобы «не хотели воевать», как утверждал один уренгойский школьник в бундестаге. Или попытка пове-

силь в Санкт-Петербурге мемориальную доску Маннергейму, бомбившему Ленинград и учреждавшему в Карелии концлагеря для советских граждан. У нас все еще очень короткая историческая память. Но, думаю, это поправимо.

– Как оценить советский период в контексте темы отставания?

– В этом смысле 1917-й год парадоксален. Он означал декларацию отказа от периферийной модели развития, противопоставление себя Западу как нового глобального и идеологического центра. Но вместе с тем эта цель достигалась ценой утраты своих культурных, исторических, символических и иных ресурсов. Это была системная ошибка. Весь советский период ушел на ее преодоление.

– Как выглядит спор западников и славянофилов сегодня?

– Это всегда был надуманный спор, а сегодня особенно. Обратите внимание – на самом деле ни в Европе, ни в Америке никогда не было «западников». Но если их не было у них, то зачем, спрашивается, они нам? Если их нигде не было, значит, это лишнее колесо в телеге.

Будущее секуляризма

О современном секуляризме и кризисе его идеологических оснований. О новой – постсекулярной – ситуации, для которой характерно стирание грани между категориями религиозного и секулярного. Секуляризм приобретает признаки имплицитной религиозности, а взятая им на себя историческая миссия рационализации культуры и общественной жизни оказывается невыполнимой. Когнитивный статус верующих и неверующих один и тот же, их положение в обществе также должно быть симметричным и равноправным.

– Сегодня часто приходится слышать о том, что в секуляристском обществе верующие подвергаются дискриминации, что растет христианофобия. Исторический спор религии и секуляризма бесконечен, или он может иметь некий итог?

– Если бы не кризис секуляризма, этот спор был бы бесконечным. В теоретическом, философском смысле он действительно неразрешим. Но важно понимать, что по существу это спор двух религий.

– Исследователи могут внести в этот спор что-то новое, освежить его?

– Есть отчетливая тенденция к переосмыслению понятий и категорий в религиоведческих и культурологических подходах. В частности, в рамках такого направления, как постсекулярные исследования. Само понятие «постсекулярность» указывает на то, что в культуре возникает новое понимание секулярного и религиозного и соотношения между ними. Большой интерес представляют работы П. Бергера, Дж. Милбанка, Ю. Хабермаса, Дж. Макленана, а также многие разработки ученых Оксфордского центра исследований имплицитной религии. Важным объектом для исследования становятся процессы психологизации религиозного, викарная религиозность.

– Что получается в итоге?

– Постепенно происходит коррекция самой постановки проблемы секулярно-религиозного. За термином «постсекулярность» появляются новые – «неорелигиозность», «неорелигизация», все больший интерес вызывает вопрос о границах религиозного и секулярного, исследуется феномен имплицитной религии («implicit religion», термин Э. Бейли), идет постоянный поиск религиозного в секулярном, поиск «имплицитной религиозности». Это очень важно. Ведь когда человек видит подлинные истоки своих повседневных воззрений, он лучше понимает себя. Следующий этап этого движения мысли, я думаю, приведет к пересмотру теоретических оснований категорий секулярного и религиозного. В среднесрочной перспективе нас ждет именно это.

– В чем различие между секулярностью и секуляризмом?

– Она существенна. «Секулярность» – это просто нечто далекое от исторических религий, это мировосприятие, верящее в свою рациональность, объективность, естественность. «Секуляризм» – уже идеология, навязывание определенных стандартов мысли и ценностей, таких как материализм, меркантилизм, объяснение вещей «из них самих», тотальная конкуренция, политкорректность. Навязывание этих стандартов как якобы самоочевидных и единственно приличных.

– Что это значит?

– Все эти понятия априори выводятся за рамки дискуссий и не предполагают рефлексии, аргументации связанных с ними концептуальных схем. Тем самым они утверждаются в качестве символа веры, катехизиса.

– **Вы упомянули о кризисе секуляризма. В чем он проявляется?**

– Если коротко – в том, что секуляристское мировоззрение уже не может сохранять верность своим собственным постулатам. Например, общество потребления явно утрачивает привычку и вкус к научно-критическому восприятию мира, зато его интересуют возможности виртуальной, дополненной и смешанной реальности. Яркий пример – общественный культ трагедии, случившейся с погибшими сотрудниками «Шарли Эбдо». Главный редактор журнала «Шарли Эбдо» – Жерар Беар – говорил так: «Миллионы анонимов, все организации, главы государств и правительств, политики, интеллектуалы, публицисты, все священнослужители, которые выступили с декларацией „Je suis Charlie“, – им всем не помешает знать, что это означает: „Я – за секуляризм“ („Je suis pour la laïcité“). Мы убеждены, что для большинства наших сторонников это не вызывает сомнений. Все же прочие пусть убираются ко всем чертям». Разве это не религиозный культ?

– **Похоже на то.**

– Ритуальная формула «Je suis Charlie» – неотъемлемая часть культа. Глобальная община «шарли» – сообщество свободно самовыражающихся по поводу чьих-то святынь, и это самовыражение, безусловно, свято для них. Таким образом понятый секуляризм требует жертв и мученичества от своих адептов. История «Шарли» – это типичный мартирий, мученическое житие. Секулярному обществу нужны свои святыне, чтобы скрепить шатающееся идеологическое здание кровью и слезами. Не важно, что погибли люди – это сакральные жертвы, приносимые на алтарь свободы.

– **Свободы совести и свободы мысли...**

– Ну да. Только это не случай Галилея, не воля к истине или национальной независимости. Это право девальвировать, обесценивать с помощью карикатур вероучительную ценность чьей-то Священной истории или даже чувств родственников погибших. Это сакральный смех. И этот смех тотален.

– **Свобода ниспровержения святынь сама стала святыней?**

– Да, конечно.

– **Это не просто некий метод социального действия?**

– И то, и другое. Здесь нет противоречия. Обратите внимание: свобода сакрального смеха не включает в себя самоотрицание, не доводится до логического конца. «Шарли Эбдо» не смеются над свободой, над теми, кто сочувствует им и вешает на себя табличку «Шарли». Это квазирелигиозный культ.

– **Вы не раз говорили о либерал-православии в церковной среде, о феномене «церкви» в Церкви или, так сказать, о «церкви избранных». Каково отношение к секуляризму в этой среде?**

– Это совершенно особый случай – случай секулярной религиозности. Здесь секуляризм стилизован под историческую религию, под традицию. Эти люди хорошо понимают особенности постмодернистского общества и умеют работать с ними. Их цель – создать псевдорелигиозный симулякр. То есть «освятить» секуляристскую повестку дня и секуляристские ценности религиозным авторитетом, религиозной символикой и стилистикой. Иными словами, это секу-

ляризм в «христианской» упаковке. Данная группа стремится убедить нас в необходимости секулярной реформации Церкви, о чем я писал еще несколько лет назад. Но я надеюсь, что агрессивный модернизм Константинопольского патриархата преподал нашей пастве хороший урок и она будет обходить за версту воинствующих секуляристов с их идеями и прожекторами.

– **Эти идеи всегда высказываются, открыто, «в лоб»?**

– Нет, далеко не всегда. Все делается по правилам хорошей школы маркетинга: для разных целевых групп разные концепции, стили и слоганы. Кому-то ближе лозунг «реформации», кому-то «либерализации».

– **Вы сказали, что понимание секуляризма постепенно меняется. Приходит понимание того, что секуляризм не исключает религиозности?**

– Я бы сказал так: зона сакрального в секулярной культуре расширяется, происходит вторичная религиозизация привычных и повседневных явлений. Поэтому мы наблюдаем новый исторический феномен – неорелигиозность. Это признак глубокого кризиса секуляристской культуры, которая запрещает всерьез обсуждать свою иррациональность и теологичность. Но сейчас она обнажает свои корни, от которых всегда стремилась отречься.

– **Каковы эти корни?**

– С одной стороны – перевернутая, искаженная библейская картина мира. С другой стороны – языческие мировоззренческие установки. Например, требование преодолеть состояние «традиционного общества» ради модернизации – это вариация на тему преодоления «ветхозаветности» в христианстве. Колонизация мира была пародией на его катехизацию, и, я думаю, рано или поздно философам и идеологам модернизма придется держать ответ за это. Коммунизм, большевистский коллективизм были советской трактовкой идеи общины, интернационал и компартия – пародией на церковность.

– **Ну, а язычество?**

– Это социал-дарвинизм, мальтузианская мораль либерализма. Ради «богов целесообразности» можно и даже нужно кого-то приносить в жертву, отправлять на заклание. Например, разного рода маргиналов, неуспешных, социально незащищенных и тех, кого в США называют деплорантами, тоталитарными личностями и даже тоталитарными обществами.

– **Все эти тенденции не способствуют возвращению христианству его позиций в обществе?**

– Увы, нет. Исторические религии ослаблены, с ними ведется война. Церковь стремится лишить внутренней основы – переписать канон, подчинить секулярной политической и культурной программе, чтобы Церковь одобрила все это – ювенальную юстицию, трансгуманизм, социальное бесправие граждан. Историческая религиозность по-прежнему подавляется. Но религиозность вообще, религиозность как свойство сознания – это совсем другое дело. Просто мы по инерции считаем «религиозным» только сложившийся в Средневековье вероучительный стандарт. Может, это было бы и хорошо, только это, к сожалению, не так.

– **Разве секулярное общество в эпоху либерализма не предполагает отсутствия общеобязательной идеологии?**

– Это всего лишь декларация. На самом деле есть набор ценностей, который жестко вменяется «секулярному» гражданину. Он навязывается вместе с моделями культурного и потребительского поведения, вместе с общепринятыми формами коммуникации – в качестве якобы оптимального поведения или, скажем, неотъемлемого «естественного права». Только эта идео-

логия более примитивна, а квазирелигиозный элемент сильнее бросается в глаза, чем это было в XX веке.

– Как это работает?

– Понимаете, когда вам, например, замораживают счет в банке из-за каких-то беспочвенных подозрений – вам это не спешат аргументировать. Или когда делают плату за жилье неподъемной, а зарплату символической, просто говорят: сие неизбежно, других вариантов нет. Когда навязывают вам кредит, натравливают коллекторов или ювенальных технологов, тоже считается, что «вариантов нет». Это все не аргументируется так, как было принято при старых тоталитарных режимах – с талмудами классиков общественной мысли. Просто утверждается: вот это эффективно и оптимизировано, современно и цивилизованно, а вот то – наоборот. Хотя мы постоянно видим, что дело обстоит, мягко говоря, несколько иначе. Порой данная позиция подкрепляется какими-то цифрами и статистикой, которую невозможно ни проверить, ни опровергнуть.

– О чем это говорит?

– О том, что в основе всякой социальной легитимации и социальной лояльности сегодня лежит в первую очередь акт веры. В современных секуляристских идеологиях религиозного явно больше, чем в идеологиях XX века, хотя и там оно присутствовало. Это указывает на ситуацию постсекулярности и процессы неорелигиозации в современной культуре. Правда, религиозации совсем не христианской в своей основе. В каком-то смысле это современный ремейк хорошо известных жреческих практик, в том числе нумерологии (когда речь идет о «цифровом обществе»).

– С неорелигиозацией понятно. А общее структурное упрощение идеологического пространства чем объяснить?

– Излишне сложные идеологемы секуляризму сейчас мешают. Они отнимают время, тормозят процессы управления и оптимизации в условиях посткапитализма.

– А как секуляризм связан с экономическим строем?

– После того как во времена Мартина Лютера легализуется ростовщичество, биржа по сути занимает место Церкви. Успешность со временем становится заменой понятиям благодати и святости: успешный оказывается «избранным ко спасению» и якобы обладает некоей общественной истиной. Чтобы развить и поддержать «успех» в мировом масштабе, требуется экспансия. Деньги должны делать деньги, используя как ресурс труд «менее успешных», а это уже требует принуждения.

Применяется насилие, и оно получает такое же оправдание, как и ростовщичество: вначале все объясняется волей Божьей, затем – интересами социального прогресса, которому можно принести в жертву кучку неграмотных дикарей. Ради «просвещения» остальных. Так возникают идеология культурного неравенства, миф превосходства и практика колониализма, которая со временем приобретает форму нацизма. Все это – вместо реального христианства, где все равны перед Богом.

– И это, так сказать, цивилизованное язычество?

– Да. В жертву приносят не себя ради ближнего, а наоборот: ближнего приносят в жертву ради себя. Кидают его на алтарь, как Каин Авеля. Безусловно, это новое язычество. Для которого, говоря словами философа Рене Жира, характерно «сакральное насилие» – то есть метафизическое оправдание использования своего ближнего как ресурса. Вот в этом, если хотите, первородный грех секуляризма. Этот грех можно заговорить идеологией, можно замаскиро-

вать цифрами, но от этого он не перестает быть грехом. Единственный способ забыть об этом – это разучиться думать и отучить думать других: например, лишив их полноценного образования и воспитания.

– Как выглядит на сегодняшний день религиозность в зеркале секуляризма?

– Представление о ней подчинено одной центральной догме: религиозность и секулярность – это взаимоисключающие взгляды на мир, черное и белое, между ними нет ничего общего. Секулярность исторически определяет себя как «нерелигиозность» или «антирелигиозность». Это антирелигиозная религия. При этом секуляризм стремится единолично опираться на авторитет науки. И потому постулирует обязательную, хотя и не очень ясную корреляцию секуляризма и науки.

– Что это значит?

– Прямо или косвенно утверждается, что именно благодаря секуляристскому культурному окружению наука способна добывать и поставлять «точное знание» об окружающем мире. Предполагается, что открытое высказывание идеи о трансцендентном противоречит исследовательским установкам, хотя многие известные ученые признавали существование Бога – от Альберта Эйнштейна до святителя Луки Войно-Ясенецкого. Таково основное, теоретическое обоснование секуляристского мифа.

– Есть и другое?

– Есть вспомогательное – историческое. Оно говорит о секуляризме как противоядии от религиозных войн и условия «вечного мира», о котором мечтали социальные философы со времен Лейбница и Канта. Но эта точка зрения самой историей давно опровергнута.

Секуляризация частично была продиктована в том числе и страхом перед жестокостью религиозных войн. Но все познается в сравнении. На секулярную эпоху приходится несколько кровавых революций, две мировые войны с миллионными жертвами, ядерные бомбардировки мирного населения, расовые, этнические и классовые чистки, нацизм и неоколониализм, мальтузианская мораль. Это все будет посерьезнее Тридцатилетней войны и Варфоломеевской ночи.

– Это сравнение напрашивается, но редко проводится. Почему?

– Рациональный подход не в интересах носителей и адептов секуляристского дискурса.

– Разве сама эта фигура умолчания не указывает на скрытую религиозность секулярной культуры?

– Указывает. Она как раз очерчивает в ней сферу сакральных смыслов и указывает на систему табуирования «неправильных» направлений мысли. Я убежден, что конфликты XX и XXI веков имеют квазирелигиозную основу. Но пока анализ этой стороны современной культуры табуирован, не включен в учебные пособия и информационную повестку. Но я уверен: изучение этого интереснейшего феномена – вопрос не такого уж далекого будущего, поскольку секуляристская картина мира сегодня испытывает серьезные проблемы.

– Какие?

– Проблемы в объяснении современных общественных процессов и в достижении общественного блага. Во-первых, это нравственный кризис: агрессивность в обществе растет. Во-вторых, эпистемологический кризис. Секуляристская культура сама отказывается от рационализма и научно-критического мировоззрения – в пользу новых суеверий информационной эпохи, вопреки своим первоначальным лозунгам и ценностям. Она иррационализируется и

хранит веру в собственные «стандарты» и «институты», которые в действительности неэффективны. Демократия, денацификация, толерантность, инклюзивность – все это лишь декларации. Иррациональность секуляризма с каждым годом все более ощутима, и ее уже нельзя игнорировать.

– Это порождает общественные проблемы?

– К сожалению. Ответом на секулярный фундаментализм является, например, радикальный исламизм (не путать с традиционным исламом) и вообще псевдорелигиозный экстремизм. А дальше возникает эффект обратной связи: в ответ на экстремизм устами таких философов как Ульрих Бек объявляется, что наше общество – это «общество риска», что мы все – «команда мировой опасности». А это уже путь к сворачиванию последних жалких остатков реальной демократии, к новой тоталитарности, к дегуманизации социальных отношений. Как бы для блага общества насаждается алармизм, а затем – вторым шагом – вводится кризисное управление, отменяются демократические нормы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.